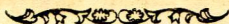

ФАКТЪ 4.

На другой день, утромъ, послѣ бывшаго свадебнаго бала у Гликеріи Абросимовны Тупталовой, собирались въ домъ къ Рахлю Даниловичу Юхимовскому съ поздравленіемъ гости:—Шляхта и Члены Городовой Ратуши съ Канцелярскими. По фizioноміи гостей замѣтно было, что едвали они не пировали цѣлую ночь и не успѣли еще вытрезвиться. Исключая Левонтія и Люциллы Юхимовскихъ, которые, какъ видно изъ предыдущаго факта, по обязанности посаженныхъ — отца и матери молодаго, ушли отъ гостей прежде, для распоряженія по хозяйству новобрачныхъ. Молодежи — Паничевъ и Паннъ не было тутъ. Гости привели съ собою также и музыку для веселья.—

ЯВЛЕНИЕ 1.

(Покои Секретаря Юхимовскаго заключались въ большой горнице, или свѣтлицѣ и ма-
линькой комнаткѣ, или спальнѣ, кромѣ ку-
хни черезъ сѣни, съ комнаткою же и коморою.
Просто домъ былъ по расчетливости хозяина.)

Входятъ въ горницу пани Люцилла Юхи-
мовская и служанка Секретаря Марина.

ЮХИМОВСКАЯ.

Я тобѣ кажу Марино, що пора будить мо-
лодыхъ и убирать въ покояхъ. А то гости
скоро будутъ

МАРИНА.

Я бѣ давно уже убрала, такъ щобъ Панъ
не гнѣвився? —

ЮХИМОВСКАЯ.

Не бойся! Поди оконныци открий! Да зо-
ви пана Левонтія! А я тобѣ пособлю. . . —

МАРИНА.

Добре! Только щобъ не було чего? . . .

Уходитъ.

Служанка открыла ставни, а пани

ЮХИМОВСКАЯ, оставшись одна, нѣсколько разъ пыталась взойти въ спальню къ молодымъ,—но внутреннее чувство чего-то, останавливало ее. Рѣшилась — и взошла. Черезъ нѣсколько минутъ выбѣжала изъ спальни съ радостію и всплеснула руками:—

А по старый чортъ! . . . Гдѣ твои дзятки — поживанци добра? . . . — Гдѣ уни? . . . — А! пани Тупталова?
(*Расхаживаетъ по комнатѣ.*) — Мае поживу! . . . Ха—ха—ха! . . . (*Стала убирать.*)
Чу, идзе и муй глупій Левонъ?

(*Стала убирать въ комнатѣ.*)

Входятъ Левонтій Юхимовскій и служанка Секретаря Марина.—

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ,

— Цо наши млоди?

ЮХИМОВСКАЯ. (*Унимая его:*)

Ци —, глупій! Ни машъ деликатности. —

МАРИНА.

Хяба Паны й доси не встали? — Диковинка!

ЮХИМОВСКАЯ.

Заспались послѣ вечеринки! . . (Къ мужу.)
Проша пане Левоне на моментъ! — Съ тобо
потшебне погадаць. . . . Уводитъ мужа сво-
его изъ комнаты: — а Марина осталась въ
комнать убирать.—

ЯВЛЕНІЕ 2.

Спустя около получаса, на дворъ послыша-
лась музыка и говоръ идущихъ гостей. Напо-
слѣдокъ являются и гости на лице съ музы-
кою. Впереди всѣхъ — Метръ Колленъ со
свахами — Петавскою и Шпашиинскою; за
ними Тупталова подъ руку съ Штабелемъ, а
тамъ — Бычинскій съ женою, Свиницкій съ
женою, Тшемавскій и Левицкій съ женою.
Ихъ встрѣтили съ приглашеніемъ Левонтій и
Люцила Юхимовскіе.—

*Канцелярскіе и музыка заключали походы
гуляющихъ пановъ.—*

КОЛЛЕНЪ.

А шо наши млоды?

МАРИНА.

Ище Паны не вставали.

ТУПТАЛОВА.

Што они такъ заспались?

ПЕТАВСКАЯ и ШНАПШИНСКАЯ.

Амурца коммисія. Тенькна гозина.

Говоръ и шумъ прочихъ гостей.

КОЛЛЕНЪ.

Цисъ— ! Ваша панья Петавская , панья
Шнапшинская, пуйте до млодихъ ; а наши
съ спѣваками и музыкой сюпризъ стелаймъ.
Эй — люпимъ сердечно—! Fortissime!

ПРОЧІЕ.

Да, да! — Ладне! Ладне! — Слушаемъ.—

Свахи съ осторожностію отправились въ спальню къ молодымъ. Колленъ махнулъ рукою, и ХОРЪ Канцелярскихъ съ музыкою заплыл:

Мы тебе любимъ сердечно,
Будь намъ Начальникомъ вѣчно:
Наши зазженны сердца,
Мы тебе любимъ отца!

(Повтореніе послѣднюю
стиха съ хлопаніемъ.)

Вдругъ выбѣгаютъ изъ спальни съ безпокойствомъ Петавская и Шнапшинская.

ПЕТАВСКАЯ (Унимая плечесъ и
музыку.)

Цисъ! Цисъ! За Докторомъ скорѣе!

ШНАПШИНСКАЯ.

Несченстье! Умярли!

КОЛЛЕНЪ.

Шо такъ?

ПЕТАВСКАЯ

За Докторомъ

ТУПТАЛОВА. (Съ удивленіемъ.)

Што? — Какъ? — Бросилась въ спальню съ нѣкоторыми паньями. —

Шумъ и суматоха гостей, въ коихъ слышно было только:

За докторомъ! За докторомъ! Что такъ сбѣлесь? — Вельке несчастье! — Да якъ-то такъ? — И сами ни знаемъ! —

ШВАБРЕНКО. (Уходя.)

Птлюлька и Балабашъ за Гродкомъ, а я съ Цюцюрюю за Часновскимъ!

Музыка вышла въ спли. Колленъ отправился съ Юхимовскими въ спальню за прочими. А здѣсь въ большой комнатѣ остались шляхта-Паны. Въ суматохѣ, бѣготнѣ сюда и туда, ничего не возможно было опредѣлительнаго вывести изъ разговоровъ испуганныхъ гостей. Страхъ отъ печальнаго случая помѣшалъ ихъ. —

Такая суматоха продолжалась около часу; покудова кое-какъ многіе успокоились.

ЯВЛЕНІЯ 3.

Въ эту пору приходятъ Городовой Ратуши Члены: Бургомистръ — Мьямленко, Ратмана-Мякишъ и Мошко жидъ и Дума Маракуенко, съ поздравленіемъ къ Секретарю и съ гостинцами, кто что изъ нихъ могъ.—

МЬЯМЛЕНКО.

Добраго здоровья Панове! (Здоровается съ шляхтою, а за нимъ и прочіе члены.) — Що тутъ у васъ сробилось?

ТШИМАВСКІЙ.

Богъ его знае! И сами ни знамъ за що тшиматься. —

МОШКО.

А гдѣсь Панъ Секретарь?

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—мяртвый въ постелю.—

ЧЛЕНЫ.

Що такое? — Чисправдѣ! — Якъ же такъ! — Що теперь? . . — Ай, вій, вій!—
8*.

МЬЯМЛЕНКО.

Дежъ нашъ Повитчикъ?

СВИНЦИЦКІЙ.

Св—за докторомъ пушедъ.

МАРАКУЕНКО.

Що теперъ пане Бургомистре въ Ратуши
робить?

МЬЯМЛЕНКО. *(Почесывая затылокъ.)*

Я й самъ не знаю. . . . —

МЯКИШЪ.

Съ Федоромъ Якимовичемъ я одного мнѣ-
нія. —

МОШКО.

Азезъ пахъ и я такъ. . . . —

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣкомъ! —

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—мы цо? —

ТШИМАВСКІЙ.

Тт--тшиматься до контъ. . . .

СВИНЦИЦКІЙ.

Св-- свидѣтелями? -- Бронь Боже! --

МОШКО.

Гирсте! Сцозъ пакъ намъ съ гостинца-
мизъ? . . . --

МАРАКУЕНКО.

По моему маракуваню, молоденькой Се-
кретаршѣ отдать!

ШТАБЕЛЬ. *(Выходя изъ спальни.)*

И--и--и пани Секре--тарьша умерла! --

ЧЛЕНЫ.

Ахъ, Боже нашъ, якая бѣда!

ШЛЯХТА.

Пане Боже, змилуйся! . . . --

МЬЯМЛЕНКО. *(Обращаясь къ остав-
шимся Канцелярскимъ.)*

Щожъ вы ничего? -- На бѣду и
Швабренка нема. . . . --

КОЛЕНЪ. (*Вышедши изъ спальни.*)

Шожъ докторъ? О нешеньстье! — (*Обращаясь къ Бургомистру.*) Пошлите ише за докторомъ! . . . — Infelicem nostrum! . . . —

МЪЯМЛЕНКО.

Шманай, Папуша, скорѣйше!

(*Шманай и Папуша пьяные ворочаясь подлѣ стѣны мурличутъ.*)

Э--эхъ, нема Швабренка!

МАРАКУЕНКО.

Бѣда безъ хозяина! —

ЯВЛЕНІЕ 4.

*Приходѣ Швабренка съ Докторомъ Часнов-
скимъ. А за ними возвращаются и прочіе
Канцелярскіе.*

КОЛЛЕНЪ.

Rogamus domine Doctor!—

Провождаетъ доктора въ спальню.

ШВАБРЕНКО. *(Кланяясь съ Чле-
нами и утирая пла-
ткомъ потъ съ лица.)*

Всилу нашли доктора — Федоръ Якимовичъ!

МЪЯМЛЕНКО.

Що теперь будемо робить? —

МЯКИШЪ.

Я такихъ же мыслей. —

МАРАКУЕНКО.

Що то буде въ Ратушѣ?

ШВАБРЕНКО.

Иичого! -- Чепуха! -- И мы що не будь
знаемъ, по милости Рахлія Даниловича! --

МОШКО.

Азезъ пакъ такъ! . . . --

МАРАКУЕНКО.

Не мѣшалообъ Невельского? . . . --

ШВАБРЕНКО.

И безъ Невельского обійдемся! --

МЪЯМЛЕНКО.

Я знаю васъ Денись Дементіевичъ!

МЯКИШЪ.

Эге, и у мене таки мысли.

МОШКО.

Гирсте! --

МАРАКУЕНКО.

А все таки? --

ШВАБРЕНКО.

Пустяки! — Все для насъ Чур-чепуха! —

ШТАБЕЛЬ. (Прислушавшись.)

И—и—и—цо наше дѣло о коровѣ?

БЫЧИНСКІЕ:

Мм--моспане, здаесе мы по контентова-
лись! —

ШВАБРЕНКО.

Отъ, що по бумагамъ Рахлія Даниловича
окажется? — Мы не откажемся отъ закон-
наго производства и теченія. . . . —

ТШИМАВСКІЙ.

Такъ есть, цо окажется. —

СВИНЦИЦКІЙ.

Св--свинка моя, цо подаровалъ? . . .

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣку пшепадла коза муя.

БЫЧИНСКІЙ.

Мм--мосципанове! Зачекайте! Мм. . . —

ШТАБЕЛЬ.

И--и--еще жпцъ беде панъ Секретаржъ?

ТШИМАВСКІЙ.

На пшикладъ трошечки потшпматься. —

Въ это время послышался плачъ и визкъ женскій изъ спальни. Шляхта и члены Ратуши бросились къ дверямъ спальни.

Въ шумъ и вопль отзывался отголосокъ:

Аpoplexia! — Апоплексія! Она жпва! — Онъ умеръ! —

Между тѣмъ, какъ замѣтно было изъ говора, что молодую Секретаршу Вѣру Петровну привели въ чувство; а надъ Секретаремъ Рахлѣмъ Даниловичемъ ни какія докторскія средства не подѣйствовали. —

Докторъ съ Колленомъ вышли изъ спальни. А за ними и многіе изъ гостей отошли отъ дверей спальни. Женщины остались въ спальнѣ: одѣть молодую и убраться тѣло умершаго Секретаря. —

Въ большой горницѣ гости обступили Доктора съ Колленомъ.

КОЛЛЕНЪ.

Quid est causa?

ДОКТОРЪ.

Magnum voluptatem! —

(Вынул табакерку, посчелкалъ пальцами по табакеркѣ, открылъ ее съ растоновою, понюхалъ табакъ и попотчивалъ Коллена.)

Въ его годы — не потшебнебъ женить-
ся. . . . — Теразъ апоплексія! — До заба-
ченья Панове! — *Уходитъ.*

ГОСТИ. *(Съ удивленіемъ.)*

Апоплексія! Апоплексія! —

БЫЧИНСКІЙ.

Мм—Патшай пане Теобальде! Мм—беде
съ тобо апоплексія, кеди замышляшъ женить-
ся. —

(Нѣкоторые изъ гостей засмѣялись.)

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

А панъ Метръ того не боится?

(Пуще засмѣялись гости.)

ШТАБЕЛЬ. *(Въ сердцахъ.)*

И—и—и протестуе Панове! И—за обиду
шляхтича контентоваць! —

КОЛЛЕНЪ.

Omnia honorem suum debeant. Такъ пане Штабель, нѣхай панофе Бычинскій и Юхимовскій проше прошенія!

БЫЧИНСКІЙ.

Цо? За яке кривде? — За шутку — не беде того. . . . —

ШТАБЕЛЬ.

И--и--и патшайте Панове!

ТШИМАВСКІЙ. (Унимал.)

Тшимайтесь! Тшимайтесь! Але то панъ Бычинскій въ шутку мувилъ.

КОЛЛЕНЪ.

Шо за шутки, кети и панъ Фозный глумише! . . . Шо я мушикъ, шо ли? —

ШТАБЕЛЬ.

И--и--и я не шляхтичъ?

БЫЧИНСКІЙ.

М--Вельке шляхетство! —

свинцицкій.

Св-свише мего не беде. Я отъ тенъ Свинцицкихъ, ктуры при Круляхъ жили.

левицкій.

На вѣки вѣкомъ — и муй родъ. . . . —

тшимавскій.

Зачекайте-но Панове! Мое дѣло тшимавское. . . . — Проша Панство! У насъ тутай есть Члены Ратуши; потшиматься, уни контентуютъ? —

ЯВЛЕНІЕ 5.

Въ это время изъ спальни вышли Тупталова, молодая Секретарша Вѣра, блѣдная и слабая, подъ руку съ Петавскою и Шнапшинскою. —

Гости кланяются молодой; а члены съ поклонамижъ поднесли ей гостинцы. —

ТУПТАЛОВА. (Принимая гостинцы вѣсто молодой)

Покорно Васъ благодарствую. — Пристав-

те себѣ Панове! -- Люцила Юхимовская распоряжается, какъ у себе дома! --

Между тѣмъ входятъ: Люц. Юхимовская, Бычинская и Левицкая. --

Я хозяйка, -- и моимъ домомъ распоряжаться! . . . --

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ.

Якъ же не такъ! Здается, покойникъ намъ бувъ братъ? Онъ обѣщавъ своимъ хрестникамъ, а нашимъ дѣткамъ наслѣдство! Правда Левотій? -- Щожь ты мовчишь? . . . --

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

Правда, правда! И панъ Бычинскій, и панъ Свинцицкій зна?

БЫЧИН. и СВИНЦИЦ.

Мм--мы въ св--свядости!

ТУПТАЛОВА.

Толкуйте вы! Можетъ тому назадъ нѣсколько годовъ. . . . А теперъ, у покойника есть жена; а по женѣ его, я хозяйка! Знать ни кого не хочу!

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ.

Хтожь вамъ пани Тупталова право давъ?

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

А маете вы акты? — Я сдается Возный,
про то знавъ бы! Такъ Панове? —

БЫЧИН. СВИЩИЦ. и ТШИМАВ.

Такъ есть! Якъ Судъ присудить?

ШТАБЕЛЬ.

И--и--и цо вы за Судки?

КОЛЛЕНЪ.

Моя пылемъ amicus Секретарю Моя
найте пумаги! А тепериша, у нашъ
тутай est шлены Ратуши?

ТШИМАВСКІЙ.

Тшиматься членовъ Ратуши.

ЛЕВИЦКІЙ.

На вѣки вѣкомъ.

МЬЯМЕНКО.

О—охъ! Умеръ нашъ Секретарь! Денисъ Дементіевичъ, здѣлайте опредѣленіе! — Такъ резолюцію. . . . —

(Показывая руками пантомимно.)

ШВАБРЕНКО. *(Прокашлялся и подошелъ къ панамъ.)*

Кахи — Позвольтея Панове! Присутствующіе Ратуши опредѣлили: тяжущимся объявить, поелику искъ ихъ обоюдоравнествующій и понеже у насъ въ городѣ не имѣется въ наличности ни Квартальнаго ни Секретаря, а присутственныя мѣста въ уѣздномъ городѣ оказываются, *(кашляетъ.)* гдѣ председательствуютъ вышнее начальство и бдятъ неукоснительно законы; *(опять кашляетъ.)* то дабы тяжущіися въ вышереченномъ искѣ получили должное удовлетвореніе, благоволятъ оныя явиться въ городовую Ратушу, для принесенія жалобъ законнымъ образомъ, яко подобаеть въ опредѣленное на то закономъ присутственное время. *(Кашляетъ и готовится продолжать.)*

МАРАКУЕНКО. (Останавливая.)

Та будетъ тобѣ Денисъ Дементіевичъ!

МЪЯМЛЕНКО.

Настоящій Рахлій Даниловичъ? Якъ бы
радъ былъ видѣть? . . . —

МЯКИШЪ.

Одного мнѣнія съ вами Федоръ Якимовичъ.

МОШКО.

Гирсте, также пакъ. . . . —

ШЛЯХТА.

Докринарія пана Секретаржа! —

МАРАКУЕНКО.

По моему марокованью, такъ панѣ Секре-
тарьшѣ буы господиней въ хозяйствѣ покой-
ника Рахлія Даниловича? —

МЪЯМЛЕНКО.

Эге, тако подобаетъ законной женѣ! . . .
Бо—то. . . . —

НѢКОТОР. ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Такъ, такъ, такъ!

ТУПТАЛОВА.

Ну, што? . . . моя правда? . . .

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ.

Ище якъ въ Судѣ присудятъ! . . .

ВѢРА.

Я маминька не хочу быть тутъ въ домѣ!...
Мнѣ страшно. . . . — *(Стала плакать.)*

ТУПТАЛОВА.

Што ты маминька — што ли? —

КОЛЛЕНЪ.

Моя по трушпѣ къ пану Юхимовскому хощаинъ педѣ! *(Распоряжаясь.)* Проша Панове! Проша сатится! — *(Къ служанкѣ Рахмѣ Даниловича.)* Эй Марина, потай фотки и закуски! Помянемъ пацофе покойника, мафотруха! —

Марина подала на столъ водку и закуску.

Гости между собою разговаривали — и забылись о странномъ этомъ произшествіи. —

(Колленъ, выпивши рюмку и закусывая, прилащивалъ прочихъ.)

Проша Панофе водки!

Omnia mortui sunt! —

ШЛЯХТА.

Вшисьцѣ умремъ! —

(Начали пить и закусывать.)

(Также паньы — и члены Ратуши.)

МЬЯМЛЕНКО.

Дніе наши, аки цвѣтъ сельный!

КОЛЛЕНЪ.

Эй мушика, заиграць печальный маршъ!

Музыканты, находившіеся въ продолженіи всего факта въ сплнхъ, заиграли по приказанію Коллена печальный маршъ. — Многіе изъ юстей заплакали, вспоминая Рахлія Даниловича Юхимовскаго; а особливо паньы въ этомъ дали себя знать. —

При звукъ музыки, въ вопль и говоръ гостей слышно было:

ТУПТАЛОВА.

Ктожъ меня будетъ въ сиротствѣ почитать и надѣлять подарками? —

ЛЮЦ. и ЛЕВОН. ЮХИМОВСКІЕ.

У когожъ наши дятки будутъ медь ѣсти?...
Не буду больше Вознымъ! —

КОЛЕНЪ.

Съ хѣмъ по Лацини муфицъ. . . . И фри-
стикать? . . . —

ШЛЯХТА.

Але — то хто наши позвы и справы беде
контентовацъ? —

ПАНЬИ.

Хтожъ беде намъ комплименты мувицъ?...—

ЧЛЕНЫ. (И особенно Мьямленко.)

О—охъ! хто-то буде Секретаремъ въ Ра-
туши? —

ШВАБРЕНКО, *Съ Канцелярскими.*

Не будемъ больше мать такого отца —
Начальника! —

МАРИНА. *(У дверей спальни стоя.)*

Не нажиты минѣ больше такого Пана!...—

*Много было вопито въ панегирикъ покойнику
Секретарю Юхимовскому.—*

Музыка умолкла. —

ХОРЪ *Канцелярскитъ запѣлъ въ
свою очередь:*

« Вѣчная память! — »

*Послѣ всего этого, гости стали собираться
по домамъ.*

КОЛЛЕНЪ.

На дорошку фодки Панофе!

НѢКОТОРЫЕ.

Дзѣнькуе пану Метру.

ВѢРА.

Я съ Вами уйду маминька!

ТУПТАЛОВА. (*Съ неудовольствіемъ.*)

Какъ хочешъ? — Прощайте
Францъ Викентіевичъ? Распоряжайтесь же
тутъ, чтобъ все было цѣло. . . — *Уходитъ.*

*А за нею слѣдуютъ Вѣра съ Петавскою и
Шнапшинскою. Штабель ушелъ съ ними въ
проводимыхъ.*

КОЛЕНЪ.

Проша Панофе на покороны!

НѢКОТОРЫЕ.

Будемъ, будемъ!

*Прочіе гости шляхта, выпивши на дорож-
ку, уходили изъ дому Секретаря, прощаясь съ
Коленомъ.*

До забоченья пане Метръ!

ЛЮЦ. ЮХИМОВСКАЯ. (*Къ мужу.*)

Намъ старый нѣчего робить? —

ЛЕВОН. ЮХИМОВСКІЙ.

Здаесѣ такъ! . . . *Уходятъ съ неудоволь-
ствіемъ.* —

Послѣ всѣхъ ихъ члены ратуши простились съ Коллепомъ.

Прощайте пане Шпектору! —

КОЛЛЕПЪ. (*Провожая ихъ.*)

Прощайте, прощайте! — (*Потомъ садится возлѣ водки и закуски: — пьетъ и потちваетъ Канцелярскихъ и музыкантовъ.*)

Эй спѣфаки! Мушика! —

Bibe, lude! post mortem nulla voluptas! —

Канцелярскіе запѣли: вѣчная память; а музыка заиграла троурный маршъ. —

АПОСТИЛЬ.

СПУСТЯ нѣсколько дней послѣ СМЕРТИ СЕКРЕТАРЯ РАХЛІЯ ДАНИЛОВИЧА ЮХИМОВСКАГО, ПРИСУТСТВОВАЛИ въ ГОРОДОВОЙ РАТУШѢ ЧЛЕНЫ: БУРГОМИСТРЪ ФЕДОРЪ ЯКИМОВИЧЪ МЬЯМЛЕНКО, РАТМАНЫ — МИНА ВАСИЛЬЕВИЧЪ МЯКИШЪ и ЖИДЪ МОШКО. БЫЛЪ ТАКЖЕ здѣсь и ГОРОДОВОЙ ДУМА ДЕМЕНТІЙ КУЗЬМИЧЪ МАРАКУЕНКО. ДЕНИСЪ ДЕМЕНТИЕВИЧЪ ШВАБРЕНКО, ПОВИТЧИКЪ РАТУШИ, ПРАВИЛЪ ДОЛЖНОСТЬ СЕКРЕТАРЯ. ПО КАНЦЕЛЯРІИЖЪ ЗАНИМАЛИСЬ: ПРОТОКОЛИСТЪ и АРХИВАРИУСЪ ЕВТИХІЙ ПАПИЛИЧЪ ПАНУША, вмѣсто ШВАБРЕНКА ПОВИТЧИКОМЪ ДЕМЕНТІЙ ПРОКОФЬИЧЪ ШМАНАЙ, РЕГИСТРАТУРОЮ КУЗЬМА ПИТЮЛЬКА и ТАКЪ ДАЛѢЕ НА ПЕРЕПИСКѢ — ГАВРИЛА БАЛАБАШЪ, ФЕДОРЪ ЦЮЦЮРА и ВАСИЛІЙ СЕКСТЕРНСКІЙ. —

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ НЕВЕЛЬСКІЙ, хотя и былъ ПИСЬМОВОДИТЕЛЕМЪ КВАРТАЛЬНАГО, но такъ какъ въ ГОРОДѢ не было еще на ЛИЦЕ ЕГО и ДОЛЖНОСТЬ ЭТА нахоДилась въ вѣДЕНІИ РАТУШИ; то НЕВЕЛЬСКОМУ НИЧЕГО и не ПОРУЧАЛОСЬ, и

ОНЪ ОТЪ БЕЗДѢЛЪЯ ПРИХАЖИВАЛЪ ВЪ РАТУШУ, ЧТО БЫ УБИТЬ КАКЪ НЕ БУДЬ ВРЕМЯ.—ТОЧЬ ВЪ ТОЧЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕВЕЛЬСКАГО БЫЛИ ТАКОВЫ, КАКЪ УВОЛЬНЯЮЩАГОСЯ ИЗЪ КАКОГО ЛИБО ПРИСУТСТВЕННАГО МѢСТА КАНЦЕЛЯРСКАГО ЧИНОВНИКА. —

РАЗНЫЕ ПРОСИТЕЛИ И ЧЕЛОВИТЧИКИ ИЗЪ МѢЩАНЪ ТОПИЛИСЬ ВЪ КАНЦЕЛЯРСКОЙ РАТУШѢ. НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ НИХЪ ПОДХОДИЛИ КЪ КАНЦЕЛЯРСКИМЪ, ВЪ КОМЪ НАДОБНОСТЬ БЫЛА, ПРОСИЛИ ОБЪ ДѢЛѢ И УБЛАЖАЛИ КАКОЮ ЛИБО ПОДАЧКОЮ, ЧАЩЕ ВСЕГО ОБРАЩАЛИСЬ СЪ ЭТИМЪ КЪ ШВАБРЕНКУ. — СТОРОНОЙ ЖЕ ЗАМѢТНО БЫЛО, ЧТО МНОГІЕ ИЗЪ ЧЕЛОВИТЧИКОВЪ ПРИНОСИЛИ ШТОФЧИКИ СЪ ВИНОМЪ ВЪ СОСѢДНЮЮ КОМНАТУ, ГДѢ БЫЛЪ АРХИВЪ — И КУДА, КАКЪ БУДЬТО ДЛЯ СПРАВОКЪ, ОТЛУЧАЛИСЬ ШВАБРЕНКО И ДРУГІЕ КАНЦЕЛЯРСКІЕ ПО ОДИНАЧКѢ, ВОЗВРАЩАЯСЬ ОТТУДА СЪ РАЗСКРАСНѢВШИМИСЯ ЛИЦАМИ.

ВРЕМЯ БЫЛО УЖЕ ОКОЛО ДВѢНАДЦАТИ ЧАСОВЪ ДНЯ. — ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА ДѢЙСТВІЯ, ПРЕДСТАВЛЯЛАСЬ КАНЦЕЛЯРСКАЯ КОМНАТА. —

— Вотъ горьбою, къ числу прочихъ просите-

лей, ввалили въ канцелярскую Ратуши папьяшляхта: Колленъ, Штабель, Бычинскій, Свищицкій, Тшимаевскій, Левицкій и Левонтей Юхимовскій. Въ они съ просьбами въ рукахъ. — А между тѣмъ, вышли изъ присутствія и члены Ратуши, для приѣма отъ челобитчиковъ просьбъ. —

МЪЯМЛЕНКО. (Увидѣвши множество просителей съ просьбами — удивился.)

Охъ, Ты Господи милосердный! — (Перекрестясь.) Що мы будемо дѣлаты съ сими бумагами? — Бѣда, дай—только Бургомистромъ быть! . . . —

МАРАКУЕНКО.

Да вы — Федоръ Якимовичъ, поручите Швабренку принимать просьбы. —

МЯКИШЪ.

Чы хибажъ все пее къ намъ въ Ратушу? —

МОШКО.

Помянесь зе и пана Юхимовскагозъ!..... —

МЪЯМЛЕНКО.

То-то й дѣло! . . . — (Папамъ и проси-

телямъ.) Добраго здоровья Панство! -- Вы все таки не забулы своего? —

ШЛЯХТА. (Въ одинъ голосъ.)

То кольвекъ забуде кривду. — И--и--хиба корова ни чого не стоить? — А свиня?— А коза? — А наслѣдство не въ тенъ руки? —

КОЛМЕНЬ.

Моя афекунъ, захищать *juventutum viduum* debeamus. —

МЪЯМЛЕНКО.

Охъ, Боже нашъ! Що мы будемъ робить?—

МЯКИШЪ.

Одной мысли съ вами Федоръ Якимовичъ?—

ШВАБРЕНКО.

Ни чого, не беспокойтеся! Федоръ Якимовичъ! Мина Васильевичъ! -- Це все пустяки — «Чуръ-Чепуха!—»

МЪЯМЛЕНКО.

Толкуй! Добре тебе розказовать! А якъ-то на дѣлъ прійдется? —

Въ это время зазвонили на приходской колокольнѣ по умершему. Члены и нѣкоторые мѣщане перекрестились. —

Хтобъ же умеръ? —

МАРАКУЕНКО.

Гей Брюква, або Гарбузь, сбѣгайте узнать до дьяка, хто умеръ?

БРЮКВА. (Выглянувши изъ стѣн.)

Що такое?

МАРАКУЕНКО.

Хто умеръ?

БРЮКВА. (Уставившись въ двери.)

Кажуть: Пархомъ Скоропадъко. —

МЪЯМЛЕНКО.

Царство небесное ему!

МЯКИШЪ.

Якій то баштанъ у него бувъ! . . . —

ШТАБЕЛЬ.

И--и--и цозъ просьбу?

ПРОЧІЕ ШЛЯХТА.

Комужъ подаваць? —

КОМЛЕНЪ.

Мой за, млоте Секретаршу.

МАРАКУЕНКО.

Отъ що, Федоръ Якимовичъ! Луче всего
спроситьця Олександрю Ивановича?

ШВАБРЕНКО.

Та я кажу, що обійдемя и сами. —

МЬЯМЛЕНКО.

Ни, ни! Боюся, — що въ проруху попа-
дешь! — (Обрацаюсь къ Невельскому.)

Олександра Ивановичъ! Якъ быты намъ въ
сихъ дѣлахъ?

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Мнѣ кажется, что шляхта не подлежитъ
суду Ратуши. —

ШВАБРЕНКО.

Знаешь! А якъ же теперь Ратуша править
должность Квартальнаго; такъ що? . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Какъ хотите. —

ШВАБРЕНКО.

Я кажу вамъ Федоръ Якимовичъ, що всѣ дѣла на свѣтѣ, намъ — «Чуръ-Чепуха!—»

МОШКО.

Гирсте! Якъ Чепуха, то нехай пакъ и будеъ такъ? —

МЪЯМЛЕНКО.

Ну, отбирайте Денисъ Дементіевичъ просьбы! —

Швабренко сталъ отбирать у просителей просьбы съ важностью. — А между тѣмъ на базарѣ послышалась жидовская музыка. Всѣ почти бросились къ окошкамъ глазѣть, какъ жидовская свадьба пройдетъ мимо Ратуши съ музыкою. —

МЪЯМЛЕНКО.

Господи, Ты Боже нашъ, чого на свѣтѣ не бува? —

МАРАКУЕНКО.

А онъ, глядите, Гликерія Абросимовна иде. Либонь до насъ въ Ратушу? —

МЪЯМЛЕНКО.

Не приведи Боже, больше хлопотъ! . . —

МОШКО.

А спозъ пакъ тамъ на улицѣ за бриц-
ки? — И звоникъ зе: тень—тень—
тень? —

МЯКИШЪ.

Эге, эге!

Всѣ пристально всматриваются. —

МАРАКУЕНКО.

Жидовская свадьба мѣшаетъ! —

МЪЯМЛЕНКО.

О ну ии къ нечистому! —

Въ продолженіи всего этого, Швабренко отбиралъ просьбы и толковалъ по тихоньку съ просителями, отводя почти каждого въ сторону. Ему пособляли въ этомъ Шманай и Папуша. — Прочіежъ, какъ изъ просителей, такъ и изъ Канцелярскихъ, то глязли въ окошко, то разговаривали между собою. —

Жидовская свадьба съ музыкою уже мимо

*Ратуши прошла, и шумъ ее въ отдаленности
терялся. —*

*А звукъ почтовыхъ колокольчиковъ въ са-
момъ дѣлѣ оказался внятный. —*

МОШКО.

Гирсте, такъ же пакъ и есть, сдо до мене
въ госпуду, на Заседательску хвартурузъ по-
ворацивають. —

МАРАКУЕНКО.

Правда твоя пане Рахману! — (*Блѣжитъ
къ снѣмъ.*) Скорѣйше десятники — Засѣда-
тель прѣбхавъ!

МЬЯМЛЕНКО. (*Растерявшись.*)

Денисъ Дементіевичъ! Денисъ Дементіе-
вичъ! — Засѣдатель! Засѣдатель!

ШВАБРЕНКО.

Де, де Федоръ Якимовичъ!

(*Бросилъ просьбы отбирать. —*)

Всѣ начали томошиться и суетиться. —

МОШКО. (*Уходит.*)

А зезъ минн пакъ треба-зъ встрѣтиты гостя? —

МАРАКУЕНКО. (*Возвращаясь.*)

Федоръ Якимовичъ, пославъ я десятниковъ. —

ТУПТАЛОВА. (*Входитъ.*)

А што мое дѣло?

МЪЯМЛЕНКО.

Гликерія Абросимовна! Ей Богу, теперь не до дѣла! —

ТУПТАЛОВА.

Какъ? Какъ? Што эвто значитъ?—Францъ Викентіевичъ, вы што тутича? —

КОЛЛЕНЪ.

Ни шево! Все пайдеть! . . . —

ЛЕВ. ЮХИМОВСКІЙ.

Цо вы пани Тупталова прентко хочете?...—

ТУПТАЛОВА.

Знаю я васъ всю шляхту! —

ШЛЯХТА. *(Съ неудовольствіемъ.)*

По цозъ ни знать! — Былемъсе пани
Хварталова!

ЮХИМОВСКІЙ.

А terazъ Тупталова! —

МАРАКУЕНКО.

Годи вамъ Панове! — Начальство пріѣхало—
можете жаловатыця Вышнимъ! —

ТУПТАЛОВА. *(Въ сердцахъ.)*

Ну, штожъ, и буду! —

МЪЯМЛЕНКО.

Господь съ вами!

МАРАКУЕНКО.

Оставьте ихъ Федоръ Якимовичъ. А жидъ
скорѣйше и побѣжавъ . . . Пойдемъ въ присутствіе —
да потолкуемъ! . . . —

Лишь только они хотѣли уйти въ присутствіе, какъ прибываетъ запыхтѣвшійся сторожъ Гарбузъ. —

МЪЯМЛЕНКО.

Що скажешь?

ГАРБУЗЪ.

Пріѣхали: Копитанъ—Справникъ, Насѣдатель и новыи Квартальный. —

ЧЛЕНЫ и ПРОЧІЕ. *(Принимъ въ ужасъ. Нѣсколько минутъ молчаніе.)*

Що теперь? . . . —

ГАРБУЗЪ.

Требуютъ Невельскаго. —

ШВАБРЕНКО. *(Спохватившись—подбѣгаетъ съ униженностію къ Невельскому.)*

Александръ Ивановичъ! Васъ просятъ новое Начальство! — И . . . и . . . не помните. . . . —

НЕВЕЛЬСКІЙ.

Слышу, слышу!

Его обступаютъ члены и прочіе. —

МЪЯМЛЕНКО.

Олександръ Ивановичъ! Не поминайте насъ
лихомъ!

ТУПТАЛОВА. (*Кланяясь.*)

Мое почтеніе Александръ Ивановичъ!

ШЛЯХТА. (*Тоже кланяются.*)

Пане Невельскій! Пане Невельскій!

НЕВЕЛЬСКІЙ. (*Усмѣхнувшись.*)

Хорошо! Хорошо! —

Уходитъ. —

За нимъ тоже многіе уходятъ.

Остались только члены Ратуши, канцелярскіе и нѣсколько просителей мѣщанъ. —

МАРАКУЕНКО.

А що Швабренку, чы Чуръ-Чепуха? —

ШВАБРЕНКО. (*Жалобно.*)

Богъ зна, объ чѣмъ вы Деменьтій Кузьмичъ толкуете! —

МЯКИШЪ.

Що теперь намъ робыть? —

МАРАКУЕНКО.

Убратъ на чисто въ Ратуши и дожидатьця,
що буде? — Або ити на поклонъ? . . . —

МЪЯМЛЕНКО.

Боже мой, Боже мой! — Бѣда кругомъ! —
Бѣда Панство! —

*Члены уходятъ въ присутствіе оля совѣ-
товъ; а канцелярскіе съ Швабренкомъ стали
приводить въ порядокъ свой бумаги. —*

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

При догадливости опытной Публики, мнѣ и не слѣдовало бы разяснять дѣйствующихъ лицъ. Но что же дѣлать, когда у меня такая привычка, что не люблю оставлять въ этой папкѣ бумаги бѣловыхъ нѣсколько листовъ.—

Такъ и быть:

СЕКРЕТАРЬ ЮХИМОВСКІЙ, какъ его звалъ, былъ небольшого росту старичекъ, съ горбомъ отъ преклонныхъ лѣтъ и сидячей жизни, съ большимъ краснымъ носомъ отъ употребленія нюхательнаго табаку, на головѣ не много сѣдыхъ волосъ; любилъ латынью хвастать при незнающихъ и комплементы дѣлать дамамъ; ходилъ же большею частію въ зеленомъ форменномъ сюртукѣ, старинной формы служащихъ, бѣломъ жилетѣ и платкѣ на шеѣ и желтыхъ панталонныхъ брюкахъ. Далѣе можете сами дорисовать портретъ его.—

МЕТРЪ КОЛЕНЪ, другъ Юхимовскаго, толстый и рослый мужчина, охотникъ поѣсть и попить, малозаботливый и весельчакъ, говорилъ исковерканнымъ языкомъ какъ многіе иностранцы на Руси, щеголялъ въ сѣромъ фракѣ и съ суковатою палкою, но латынѣ набрался бывши въ Базилянскомъ училищѣ французскаго языка учителемъ.—

ГЛИКЕРІЯ ТУПТАЛОВА, щеголиха и интересанка, въ домѣ своемъ злая женщина, толстая и дюжая панья, съ романическимъ обхожденіемъ.—

ВѢРА ГОРЕНКОВА, смиренная и хорошенькая сиротка.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВЕЛЬСКІЙ, молодой и неиспытанный малой, проказникъ — но неакшася съ канцелярскими ратуши, за что они его не любили.—

Эти три лица говорили по Русски, но съ Малороссійскимъ прононсомъ, а особливо Тупталова. —

ИШАБРЕНКО, низенькый и толстой мужчина, плутъ и взяточникъ и какъ говорить, охотникъ за галстукъ закладывать, а подь часть и за поемъ пить. —

Объ другихъ **КАНЦЕЛЯРСКИХЪ РАТУШИ**, предметы въ приказнической жизни по уѣзднымъ городкамъ можно видѣть. —

ПАНЫ — ШЛЯХТА ни чѣмъ не различаются отъ черни.

ШТАБЕЛЬ, занка и скупецъ.

БЫЧИНСКІЙ, при разговорѣ мичить.

СВИНЦИЦКІЙ, съ присвистомъ разговариваетъ.

ТШИМАВСКІЙ, уклончивый на всѣ стороны.

ЛЕВИЦКІЙ, кромѣ своей поговорки, какъ будто ничего неумѣетъ говорить.

Ихъ сожительницы, какъ обыкновенно шляхтянки въ Украинѣ.

ЛЕВОНЪ ЮХИМОВСКІЙ, какъ говорить, не доставало чего-то въ головѣ и только по ходатайству брата назначенъ вознымъ въ шляхтѣ. Его жена **ЛЮЦИЛА**, держала мужа въ своихъ рукахъ и учила его житью. —

Про дѣтей шляхты сказать можно, что они не будучи воспитаны, часто разбойничали, или буянили надъ жидами, нечисты на руку были, чтобъ было чѣмъ угостить Паннѣ на гулянкахъ. За ихъ шалости родители должны были поплачиваться съ Квартальнымъ, чтобъ не доводить до высшаго Начальства. —

Объ Членахъ Ратуши:

МЪЯМЛЕНКО, какъ самая фамилія его показываетъ, перѣщи-

4488

тельный и трусъ, и только по достатку былъ избранъ въ Бургомистры. —

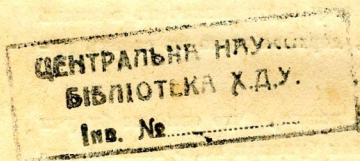
МЯКИШЪ, былъ ему подстать.

МАРАКУЕНКО побойчѣ ихъ былъ и плутовать. Къ нему подходить Ратманъ МОШКО.

Мѣшане въ городѣ, зажиточные и веселые люди, охотники съ базару досуги удѣлять въ жидовскихъ шинкахъ. Привольность мѣстности давали имъ на то средства. —

Прислуга Секретаря и Тупталовой, какъ бываетъ Мало-россійская прислуга у Пановъ. —

Довольно. Прошу Гг. самихъ читателей копировать знакомыхъ мнѣ въ этой книгѣ лицъ. — Разборъ же самаго сочиненія, чего оно будетъ стоить, предоставляю тѣмъ Гг. Рецензентамъ, которые больше меня кой-чего знаютъ на блѣмъ сѣть. —

y
o-
i-
o-
o-
a,
u-
b-

y
o-
i-
o-
o-
a,
u-
b-